

Изобретая нацию

Всеволод
ШИМОВ, кандидат
политических наук

В настоящее время широкое распространение получило представление о нации как о конструируемом, воображаемом сообществе. Однако нация – в первую очередь сообщество политическое. Это союз равноправных граждан, объединенных общностью интересов и совместно избирающих органы власти для отстаивания этих интересов. Представления об общности национальных интересов, как правило, основаны на представлениях о тождестве исторического происхождения, языка и культуры составляющих нацию членов. Для существования и воспроизводства нации необходим национальный миф, формирующий эти представления об общности входящих в нацию людей. Собственно, процесс его создания – это и есть процесс изобретения нации. Нация возникает, когда входящие в нее люди верят примерно в один и тот же национальный миф.

Особенностью национального генезиса Беларуси была и остается конкуренция нескольких альтернативных национальных проектов. Национальный миф не «изобретается» с чистого листа – он является формой интерпретации этнокультурного и исторического своеобразия того или иного региона. Однако интерпретации одних и тех же событий и явлений могут быть прямо противоположными, и с этой точки зрения история белорусского национального генезиса может рассматриваться как подлинная война интерпретаций. Помимо собственно белорусского национального движения, существовали проекты национальной интеграции белорусских земель в другие, более крупные национальные сообщества – русское и польское. Собственно белорусское движение во многом явилось продуктом борьбы России и Польши за обладание этими землями и не может рассматриваться в отрыве от нее.

ОБ АВТОРЕ

ШИМОВ Всеволод Владимирович.

Родился в 1983 году в Гомеле. В 2005 году окончил Белорусский государственный университет, в 2009 году – аспирантуру этого университета. С 2009 года – старший преподаватель кафедры политологии БГУ.

Кандидат политических наук (2009).

Автор около 20 научных публикаций (в том числе соавтор 2 коллективных монографий).

Сфера научных интересов: теория цивилизаций, этнополитические процессы в восточнославянском мире.

БЕЛОРУСЫ КАК РУССКИЕ

Формирование современного русского национального мифа стартовало в XIX веке. Первоначально идея русской нации была основана на представлениях о национальном единстве всех восточных славян, белорусы и украинцы рассматривались как своеобразные этнографические группы большого русского народа. Вслед за О. Немецким обозначим эту версию русского национального мифа как панрусизм [1].

Представления о великорусах, малорусах и белорусах как частях единого русского народа основаны на предании о Киевской Руси как источнике государственной, религиозной и культурно-языковой традиции, общей для всех восточных славян. В основе русскости в этом понимании лежит мифология, связанная с государственной и церковной традицией, заложенной княжеским домом Святого Владимира. Русская культура как сложный и многогранный феномен формировалась на основе «русской веры» – заимствованной Рюриковичами византийской версии христианства, адаптированной к местным реалиям (использование церковнославянского в качестве богослужебного языка, формирование корпуса местничных святых и связанных с ними преданий, резко выделяющих «русскую веру» среди других разновидностей православия). Русская вера и связанная с ней культурная традиция стали тем плавильным тиглем, который постепенно преобразовывал конгло-

мерат разношерстных славянских племен в единое политическое, конфессиональное и культурно-языковое сообщество – Русь. Рождается Русский Миф в его изначальном виде – достаточно централизованный и унифицированный: общая государственность (здесь важна не реальная Киевская Русь с ее княжескими междоусобиями, а миф, предание о Русской Земле как общем отечестве), единая династия, единая церковь, общий «высокий» язык, Киев как сакральная столица.

Однако процесс этнокультурной консолидации восточных славян Киевской Русью завершён не был. Разгром древней Руси татарами обусловил растаскивание ее частей между новыми центрами силы, что привело к «разбеганию» осколков Руси, вызреванию новых региональных культурно-языковых традиций на их основе. Этноязыковые различия, существовавшие между группами восточных славян и не стертые в древнерусский период, получили возможность оформиться и закрепиться. Важным фактором стали и внешние влияния, весьма разнородные для разных частей Руси.

С этой точки зрения Русь разделилась на два больших пространства – восточное и западное. Восточная Русь, политически консолидируемая и культурно унифицируемая Москвой, формируется в условиях длительного татарского господства и относительной изоляции от Европы. Степень и характер влияния этих факторов по-прежнему остаются предметом жарких споров, однако их значимость для формирования России представляется бесспорной.

Западная Русь, напротив, развивается в условиях все возрастающей экспансии западноевропейской культуры в ее польской редакции. Со своей стороны, это пространство со временем также делится на две половины – северную и южную. Северная окажется в политическом симбиозе с Литвой и станет прообразом Беларуси. Южная – остатки исторического ядра Древней Руси и обломки сильного Галицко-Волынского княжества, – преобразуется в пограничную с Диким Полем окраину (Украину) сначала литовского, затем польского государства.

Тем не менее, несмотря на мощные дезинтеграционные процессы, русская идентичность, заложенная в киевский период, никуда не исчезла и продолжала развиваться. Население – по крайней мере, образованные слои, обладающие навыком письменной культуры, – по разные стороны границ, расколовших Русь, продолжает идентифицировать себя как русское, а свой язык – как русский. Однако это была вовсе не однородная и относительно унифицированная «русскость», а набор региональных видоизменений, напластованных на древнерусский фундамент. Так, понятие «русский язык» включало в себя целый веер родственных, но все же разных языковых традиций – наддиалектных письменных койне, разговорных просторечий и т.п. В частности, то, что сегодня принято называть старобелорусским языком, современники определяли как русский. То же самое произошло и с «русской верой». Первоначально единая русская церковь в XV веке разделилась на Московскую и Киевскую митрополии, между которыми со временем накопилось немало различий. Позднее к этому добавилась и уния, также презентовавшая себя как «русская вера» и продолжательница киевских церковных традиций. Таким образом, русскими себя называли носители родственных, но далеко не тождественных, а иногда и враждебных друг другу идентичностей (как те же православные и униаты в Речи Посполитой).

В донациональную эпоху подобная пестрота и терминологическая расплывчатость были в порядке вещей. «Русскость» существовала как набор практик, имеющих общее культурологическое основание, но лишенных строгого, унифицированного канона.

Подобный канон потребовался с вступлением восточных славян в эпоху национализма, поскольку национальное строительство предполагает высокую степень культурно-языковой унификации. Национальная эпоха потребовала упорядочивания и структурирования самого понятия «русскости», а также установления четкой системы взаимоотношений между разными группами восточных славян – «русских». К сере-

дине XIX века, когда в восточнославянском мире запускаются процессы национального генезиса, баланс потенциалов между Западной и Восточной Русью отчетливо сдвинулся в пользу последней. Российская империя, выросшая из Московского царства, была на тот момент самым успешным как политическим, так и культурным проектом. Именно с высокой культурой Российской империи начинают ассоциироваться «канонические» представления о русскости.

Напротив, Западная Русь фактически не выдержала конкуренции с польской культурой в рамках Речи Посполитой. Аристократические слои – носители «высокой» культуры – были здесь тотально ополочены, «русскость» была постепенно низведена на уровень «попа и холопа». Однако польское влияние на Западную Русь нельзя воспринимать сугубо негативно. В XVI–XVII веках в Речи Посполитой наблюдался взлет западнорусской культуры, чему немало поспособствовало и польское влияние. «Польша XV–XVII веков представляла такой пример развития школы, ученых и литературных интересов, какого не бывало в русских землях: ни в Москве или Новгороде, ни в Киеве, ни в Вильне. Россия XVI века едва выступала из мрака, принесенного татарским игом; образованным иноземцам она казалась страной варварской и по нравам, и по отсутствию ученых школ, о чем почти неизменно упоминают иностранные путешественники того времени. Польша в этом отношении, напротив, шла в уровень с западной Европой: она приняла деятельное участие в движении гуманизма, в истории которого имела своих знаменитых представителей; в нее перешло и то религиозно-научное возбуждение, какое сопровождало реформацию» [2, с. 16].

Влияние более сильной польской культуры, а также ее привилегированное политическое положение, в конечном счете, погубили западнорусскую традицию, однако в XVI–XVII веках она все же получает мощный импульс для своего развития, заимствуя польские и – шире – западноевропейские культурные формы. Эта «вестернизированная» западнорусская культура в XVII–XVIII веках в значительной степени повлияла на процессы, происходившие в России. Притеснения православного населе-

ния в Речи Посполитой побуждали многих западнорусских деятелей в XVII–XVIII веках эмигрировать в Москву. Западнорусские влияния в значительной мере подготовили реформаторскую деятельность Петра I и определили культурный облик пореформенной России. «Известно, что русская юго-западная (т.е. западнорусская. – Прим. авт.) школа получила, наконец, большое влияние в самой Москве, несмотря на подозрительность московских руководящих людей ко всему, что носило какой-то западный, действительно или мнимо латинский оттенок, – и впоследствии это влияние отразилось видной полосой в ходе нашего образования в XVIII веке: наша духовная школа сохраняла почти до наших дней следы своего юго-западнорусского источника в латинском духе. В конце XVII века, накануне Петровской реформы, в жизни московской России несомненно готовилось и частью совершалось своего рода преобразование под влиянием этой юго-западной школы, – преобразование, затертое и заслоненное потом более широкой и радикальной реформой Петра, но давшее и самому Петру подготовку и многих исполнителей для его планов» [2, с. 18–19].

Таким образом, «новая» русская культура, сложившаяся в петровской России, не была чисто великорусской по своему генезису, получив мощную западнорусскую прививку. Это позволило многим национальным деятелям Западной Руси провозгласить ее продуктом совместного творчества всех частей Руси, а значит, общерусской. Характерно, что такое понимание русскости получило распространение не только на восточнославянских землях в составе России, но и в Галичине и Карпатской Руси, находившихся под властью Австро-Венгрии, где в XIX веке развивается довольно сильное «москвофильское» движение.

Однако новая русская культура, несмотря на свое синтетическое происхождение, оставалась все же москво- и петербургоцентричной, основанной на историческом мифе России, ведущей свой генезис от Московского царства. Понятие «русского» в этой традиции ассоциировалось прежде всего с Великороссией, а традиции Западной Руси не получали должной артикуляции и осмысления в общерусском контексте, маргина-

лизовались и вытеснялись на периферию русского сознания.

Как реакция на москвоцентризм в Западной Руси развиваются регионалистские тенденции. Западнорусский регионализм не ставил под сомнение идею единого русского народа и русскую «московско-петербургскую» культуру как основу национальной консолидации. Однако регионалисты стремились артикулировать западнорусское своеобразие, сделать присутствие западнорусского компонента более значимым в общерусском национальном поле. В таком русле, в частности, развивалось западнорусское движение в Беларуси в XIX веке. К слову, западнорусизм как термин обычно используется для обозначения регионального русского движения в Беларуси. Само понятие «Западная Русь» может истолковываться двояко. В широком смысле Западная Русь – вся совокупность исторических русских земель, находившихся под властью Литвы и Польши, т.е. земли современных Беларуси и Украины (без Новороссии). В узком смысле Западная Русь – это только Беларусь, противопоставляемая Украине как Южной или Юго-Западной Руси.

В рамках западнорусского движения осуществлялось активное изучение этнографического, языкового и культурно-исторического своеобразия белорусских земель. Под влиянием региональных движений формируется представление о русском народе как о национальном триединстве велико-, мало- и белорусов. Эта формула получила официальное признание и была, в частности, зафиксирована во Всероссийской переписи 1897 года, где русские были разделены на три языковые группы – великорусов, малорусов и белорусов.

Белорусский и украинский (малорусский) языки воспринимались как провинциальные региональные варианты общерусского языка, литературным общенациональным стандартом которого считался «новый» русский литературный язык, рассматриваемый как продукт совместного творчества «трех русских племен». При этом, вполне допускалось развитие провинциальных литератур на местных наречиях. Вот как, в частности, формулировал свой взгляд на соотношение белорусского и русского литературного языков западнорусский линг-

вист и этнограф Е. Карский: «Литература белорусская, отличающаяся жизненностью, как провинциальная, будет существовать и развиваться. Что же касается белорусского языка, которым говорит простой народ, то, желая ему всякого процветания в будущем даже до мирового значения, я по вопросу о введении его сейчас в науку как языка высшего и даже среднего преподавания держусь приблизительно такого же взгляда, какой был высказан в последнее время и одним беспристрастным поляком (проф. И.А. Бодуэном-де-Куртенэ), именно, «что белорусский язык столь близок к языку великорусскому, что ему вряд ли удастся удержаться рядом с этим последним. Для нужд изящной литературы и для нужд науки белорусы будут, вероятно, пользоваться и впредь языком, выросшим на великорусской почве» – прибавим от себя – не без участия других русских наречий, в том числе и белорусского» [3, с. 648–649].

Таким образом, русская идентичность постулировалась как двухуровневая, где на верхнем (общенациональном) уровне доминировали «высокие» русская культура и язык, а на региональном сохранялись многие местные этноязыковые особенности. Субъектность отдельных этнических групп восточных славян, таким образом, не уничтожалась, а включалась в общенациональное поле при сохранении некоторой степени автономности.

БЕЛОРУСЫ КАК ПОЛЯКИ

Свой взгляд на Беларусь имели и поляки. Длительное пребывание белорусских земель в составе Речи Посполитой сформировало у польской элиты представление о них как о неотъемлемой части польского отечества. На белорусских землях сформировалась достаточно мощная польскоязычная традиция, носителем которой была местная полонизированная шляхта. Примечательно, что у местной шляхты во многом сохранялось региональное «русское» самосознание: «Ад вялікіх князёў кіеўскіх выводзілі свае радаводы князі Агінскія і Друцкія, што ўспрымалася як бясспрэчны факт у моўна спаланізаваным асяроддзі каталіцкай беларускай шляхты нават у 80-я гады XVII ст. Пра гэта сведчыць цікавейшая інтэрмедыя 1689 г. на герб

Агінскіх «Брама», створаная і пастаўленая маладымі шляхціцамі – навучэнцамі менскай езуіцкай калегіі ў гонар свайго фундатара канцлера ВКЛ князя Марцыяна Агінскага. Менавіта ад «Глеба і Барыса, княжат рускіх, мучанікаў Хрыстовых» па прамой лініі, як сцвярджалася ў інтэрмедыі, паходзяць князі Агінскія, а іх герб «Брама» – нішто іншае, як радавы герб, успадкаваны імі ад святых князёў. Менскія шкаляры скарысталі для інтэрмедыі сюжэт з «Аповесці мінулых гадоў» пра забойства Святаполкам Акаянным высакародных продкаў дому Агінскіх. У інтэрмедыі падкрэслівалася, што і князі Агінскія, і князі Друцкія паходзяць ад «Святога Уладзіміра Адзінаўладцы Рускага». На польскай мове з падмосткаў езуіцкага школьнага тэатру ажывала гісторыя Кіеўскай Русі, якая яшчэ ў гэты час, як выглядае, была «сваёй» і для Марцыяна Агінскага, і для маладых беларускіх шляхціцаў, езуіцкіх шкаляроў. Усе яны размаўлялі па-польску і былі каталікамі, але іх гістарычная памяць яшчэ не давала ім забыцца на свае этнічныя карані ды папярэдняю канфесійную прыналежнасць...» [4].

Однак эта «русскость» інтэрпрэтиравалася як рэгіянальная разнавіднасць «польскости» і чётка супрацьпаставлялася Расіі як носіцельніце неевропейскіх і да таго ж неславянскіх культурных пачаткаў. Як пісаў беларускі дзеяць польскай арыентацыі А. Рыпінскі: «Эта Русь, насколькі она есь і будзе польскою, саставляе нераздельную частку нашэго дарогага отечества... Жыве тут прастой народ славянскага племені, чэстны, но убогый, і малю известны да таго ж сабствэнной отчизне яго, Польше, хотя он любит ея выше всего» [2, с. 63]. Известна такжа формула «Русь, Польша і Литва – адна молитва», гдэ «польская» Русь такжа отчетливо супрацьпаставляецца «Расіі».

Как прадставляецца, формой інтэграцыі «русскости» в польскі культурны кантэкст было і уніатства, прычэм унія, в отличие от католицизма, позволяла сахранить значительню большы пласт древнерусскаго культурнаго наследія, одновременно інтэрпрэтирую яго в кодах польскай культуры. По суті, русины-уніаты могли стаць свайго рода «полякамі восточнаго обряда». Примечательно, что близкую по смыслу формулу – «поляк православнаго

ісповедання» – пыталісь внедріць в сознание православных жителей западных частей Украины и Беларуси в межвоенной Польше в XX веке [5].

После ліквідацыі уніі інтэграцыя православных беларусов в польскі нацыянальны кантэкст становілася практычна бесперспектыўнай. Однако «польская альтэрнатыва» ещэ долгое время оставалася актуальнай для беларусскагаворащэго католическаго населенія.

В этнічэском плане большынаство беларусскіх католиков, компактно пражывающих в северо-западных областях Беларуси, прадставляюць сабой спецыфічэскую групу, отличную от основной массы беларусов. Историчэски северо-западные районы Беларусі не принадлежали Русі, будучи преимущественно балтскими по этнічэскому саставу і воспринимавшіеся как часть Литвы. Однако соседство с более развитой и густонаселенной Русью вело к постепенной языковой ассимиляции местного населенія. Помимо славянскаго языка, сюда начинало проникать і православие, однако закрепится не успело, поэтому при крещении Литвы местное население было в основном обращено в католицизм, очень быстро принявший польскі характер. Таким образом, сложилаь спецыфічэская этнічэская група: балтская (или славяно-балтская) в этнічэской основе, по языку тяготеющая к беларусам, по конфессии – к полякам.

Именно конфэсиональная идентичность долгое время была здэсь доминирующей. Местная шляхта стала органической частью польскаго политическаго класса и внесла немалый вклад в развитие польскай культуры и государственности. Конфэсиональная идентификация доминировала и на уровне простого народа: местные католики обычно считали себя поляками, а свой язык – разговорной разнавіднасцю польскаго. Такая ситуация сохранилася ещэ в начале XX века. Е. Карский отмечал в 1903 году: «На вопрос: кто ты? простолюдин отвечает: – русскій, а если он католик, то называет себя либо католиком, либо поляком» [6, с. 114].

Доминирование конфэсиональной идентичности над языковой открывало перспективы для інтэграцыі беларусскагаворащэих католиков литовско-беларусскаго

пограничья в польское национальное сообщество, однако национально-политическое размежевание в XX веке, в конечном счете, отрезало эти земли от Польши, и оказавшиеся в составе Беларуси католические районы приняли белорусскую идентичность – на основании языка.

БЕЛОРУСЫ КАК ОТДЕЛЬНЫЙ НАРОД

Как польская, так и русская модель национальной интеграции белорусов были ассимиляционными по своей природе. Они оставляли определенное пространство для местного своеобразия, однако в целом были ориентированы на интеграцию белорусского населения в высоко унифицированное национальное пространство России или Польши соответственно. Сама по себе ассимиляция является естественным процессом в ходе национального строительства. Практически любая нация имеет в основании несколько этнических групп, которые унифицируются в соответствии с неким стандартом, признаваемым как общенациональный. Классический пример – Франция, где еще в XIX веке 40 % населения не говорило на французском, используя в быту наречия, нередко даже не состоящие с французским языком в близком лингвистическом родстве. Поэтому инкорпорация белорусов в состав более крупной нации, выстраиваемой на близкой этнической славянской основе, выглядела вполне реалистической.

Однако ассимиляционные возможности русского и польского проектов оказались недостаточными. Что касается польского национального строительства на белорусских землях, то его перспективы были подорваны ликвидацией Речи Посполитой, упразднением унии и другими мерами Российской империи, направленными на переориентацию белорусских земель на Россию. Поэтому к началу XX века о перспективах Польши можно было говорить разве что среди ка-

толического населения, компактно проживающего в северо-западных областях нынешней Беларуси.

Но и реализация русского национального проекта в отношении Беларуси запаздывала. Прежде всего, это было связано с медленной модернизацией и урбанизацией России и, как следствие, запаздывающей национальной централизацией и унификацией, которая обеспечивала бы закрепление общерусского языка, самосознания и форм культуры на массовом уровне. Ареал проживания восточных славян, на который претендовал панрусизм, продолжал суще-

ствовать в виде относительно обособленных аграрных регионов, не интегрированных в высокую русскую культуру, которая оставалась атрибутом тонкого слоя городской интеллигенции. Следствием этого была консервация этнографической пестроты, диалектного и этнографического разнообразия восточнославянских регионов. Плавильный котел общерусского национального строительства так и не удалось полноценно запустить вплоть до 1917 года. Ассимиляционные процессы, конечно, шли, особенно в крупных городах, превращавшихся в транспортные и промышленные узлы, но в целом они были медленными, относительная обособленность восточнославянских регионов, консервирующая этнолингвистические различия между ними, продолжала воспроизводиться.

Эти тенденции способствовали зарождению у части местной интеллигенции стремления к созданию отдельной национальной культуры на белорусской сельской этнографической основе. Парадоксальным образом белорусское движение имело как «русские», так и «польские» корни. Интенсивные этнографические и исторические изыскания в русле западнорусизма дали обильный фактологический материал для зарождавшегося белорусского движения. Первоначально эти тенденции развивались в русской парадигме, которая, однако, обрела все более децентрализованный характер. Зазвучали мысли о возможности несколь-

Белорусы Минской губернии. Из «Иллюстрированной энциклопедии народов России». СПб, 1877 год

ких форм русскости – нескольких русских народов, нескольких русских языков, литератур и т.п. Первоначально идея нескольких русских народов зародилась на Украине. В качестве примеров рассуждений такого рода можно привести известную статью Н. Костомарова «О двух русских народностях» [7], «Историю Украины» А. Ефименко [8]; позднее о существовании трех русских народов высказывался белорусский поэт М. Богданович [9]. В этой системе координат белорусы и украинцы еще рассматривались как русские, но обладающие особой формой русскости, имеющей право на самостоятельное национальное развитие.

Реконструкция в Западной Руси форм русскости, альтернативных общерусскому «москвоцентричному» канону, неизбежно вскрывала проблему не только различий между разными частями Руси, но и нередко конфликтного характера взаимоотношений между ними. Вот как, например, описывал взаимоотношения между «западными» и «восточными» формами русскости А. Пыпин: «В XVII столетии тип юго-западного человека носил свои определенные черты, которые видимо отличали его от человека московского. На юге долгими историческими судьбами сложилась целая особая народность, которая для северных русских казалась столь чуждой, что могла даже называться «черкасской»; русские западные люди были «литовские люди»: руководствуясь непосредственным соображением, что русское может быть только такое, какое оно было в Москве, московские люди не думали о том, что это западное русское издавна жило особняком от восточной Руси и тем самым могло приобрести свои несходные черты. <...> Известно, какими недоразумениями и недоверием сопровождалась первые встречи московских людей с учеными киевлянами и белорусами, <...> эти недоразумения являлись и при встречах на месте с населением западного края, напр., в походах царя Алексея Михайловича в «Литву» [2, с. 20].

Рефлексия над застарелыми историческими конфликтами и обидами, реальными или мнимыми (очевидно, что из такой рефлексии зародился, в частности, украинский культ Мазепы), культивирование местных особенностей в противовес доминирующей

щей русской «высокой» культуре – все это формировало предпосылки для полного национального отмежевания белорусов и украинцев от великороссов.

Свою реализацию эти предпосылки находят в контексте российского революционного движения. Революционное отрицание тогдашней российской государственности трансформировалось у части белорусско-украинской интеллигенции и в отрицание ассоциировавшейся с империей Романовых русской культуры. В противовес им формируются идеи белорусской и украинской государственности, основанных на местных этноязыковых традициях и исторических преданиях, разумеется, противопоставляемых «Москве». Таким образом, если панрусизм рассматривал общерусскую культуру и региональные этноязыковые традиции в качестве взаимодополняющих элементов в рамках двухуровневой системы идентичности, революционные белорусский и украинский национализмы видели в них два взаимоисключающих начала. Местные говоры в глазах белорусских и украинских национал-революционеров превращаются из региональных наречий в языки народов, угнетаемых империей. Рассуждать о национальном единстве велико-, мало- и белорусов в такой системе координат, очевидно, не имело смысла.

С другой стороны, представления о белорусах как об отдельном народе получили поддержку среди части местной католической шляхты. Разрушение Речи Посполитой, усиление деполонизаторских мер и русское присутствие способствовали ослаблению связей местной католической общности с польской культурой. В первую очередь это касается мелкой безземельной или малоземельной шляхты, которая находилась в тесной связи с местной крестьянской «почвой». Мелкая шляхта, формально числясь «благородным сословием», по своему реальному статусу мало чем отличалась от крестьянства, в связи с чем не могла не испытывать комплекс неполноценности по отношению к крупным помещикам-землевладельцам, олицетворявшим в наиболее чистом виде «польское начало» в крае. Противопоставляя себя крупным землевладельцам в социальном плане, со временем многие из шляхтичей пришли

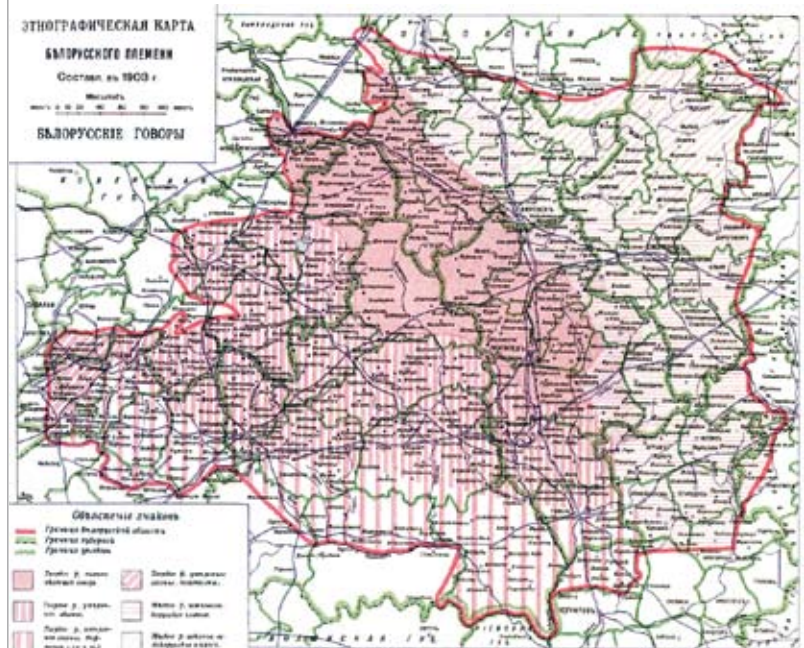
и к национальному противопоставлению. Этому немало поспособствовали и распространяемые российскими властями и местными русофилами представления о том, что говорящие на «простой мове» католики – не поляки, а белорусы, составляющие единую народность с православными. Делалось это с целью ослабить польское присутствие в западных губерниях и «пробудить» русское сознание у местных католиков, апеллируя к их языковому родству с православными белорусами. Так, по переписи 1897 года 56 % проживавших в Виленской губернии католиков были отнесены к белорусам на основании языкового критерия [10].

Усвоив представления о своей «белорускости», шляхтичи-католики, вместе с тем, сохранили истинно польские предубеждения против России и русских. Полонизированные шляхтичи составили значительную часть кадрового резерва белорусских националистов. Этим белорусский национализм заметно отличается от украинского, где осознавшие себя украинцами польские шляхтичи также встречались, но это были единичные случаи.

Сильная католическая составляющая определила то, что белорусский национализм был во многом ориентирован на области с преобладающим католическим населением (так называемый Виленский край) и формировался в основном на этнографическом материале этих областей. Белорусский литературный язык был кодифицирован преимущественно на основе виленских говоров, находившихся под сильным польским влиянием. «Белорусское национальное движение, хотя и провозглашало объединение всех белорусов, независимо от веры, но в первую очередь все же рассчитывало на католическую часть крестьянства. Это можно подтвердить предисловием одной из авторов газеты «Наша ніва» Тётки к своей книге «Скрышка беларуская». Она от имени Гаврилы из Полоцка спрашивает, местное население это поляки или литовцы. Поскольку и те и другие были католиками и четко отличались от православных, то призыв к тому, чтобы население становилось белорусами, был обращен именно к католикам, так как православный не определял себя ни как поляк, ни как литовец. Еще одним подтверждением этого может являть-

ся стихотворение «Восень», в котором при перечислении некоторых мест нахождения крестьянина указывается костел» [11].

Появление концепта белорусов-католиков, в конечном счете, привело к тому, что при советском национально-государственном размежевании в состав Беларуси были включены земли с преобладающим католическим населением. Представления о «белорускости» этих земель возникли достаточно поздно, на рубеже XIX–XX веков.

«Этнографическая карта белорусского племени» Е. Карского

НАЦИОНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ПО-СОВЕТСКИ

К 1917 году процессы национального генезиса у восточных славян находились на весьма ранней стадии. Массового запроса на национализм не было в силу все еще глубокой архаичности общества: основная масса восточнославянского населения проживала в селе и находилась на донациональном уровне сознания. Споры между поборниками разных версий идентичности велись в узком кругу городской интеллигенции. Можно сказать, что национальный вопрос у восточных славян в тот период находился на этапе даже не решения, а только постановки. Решение же в «естественных» условиях, очевидно, заняло бы не одно десятилетие. Какая национально-политическая конфигурация сложилась бы в таком случае на территории Беларуси, сказать сложно. Однако

представляется вполне очевидным, что на начало XX века белорусское национальное движение проигрывало по своему потенциалу и панрусизму, и польскому проекту (для белорусскоязычных католиков).

Ситуация резко изменилась в результате крушения империи и прихода к власти большевиков, которые запустили программу форсированного национального строительства, в основу которого в Беларуси был положен проект деятелей «белорусского возрождения». Обуславливалось это не столько популярностью данных идей в белорусском обществе, сколько идеологическими воззрениями самих большевиков: в белорусском движении они видели «правильный», с их точки зрения, «пролетарский» освободительный национализм, борющийся против притязаний более крупных наций-империалистов: поляков и великороссов.

Таким образом, формирование национальной государственности в Беларуси советского периода происходило не в силу естественных национально-генетических процессов, а благодаря политическому волюнтаризму большевиков. Белорусская идентичность в ее «национальной» интерпретации насаждалась сверху методами административного нажима в 1920–1930-х годах в рамках политики «коренизации».

Однако искусственное форсирование национального генезиса в Беларуси дало результаты, во многом далекие от ожидаемых отцами-основателями «белорусизации». Формирование белорусской нации проводилось методами административного нажима сверху, причем в рамках крупного многонационального государства, основным средством коммуникации в котором оставался русский язык. Советское руководство вело противоречивую двойную игру, с одной стороны, поощряя национально-генетические процессы в республиках, с другой – стремясь консолидировать их в единую советскую общность. В результате концепт белорусов как народа за годы советской власти так полноценно и не сформировался. Эта проблема досталась в наследство и независимой Беларуси.

Подводя итог, можно сказать, что процессы национального генезиса в Беларуси остаются незавершенными. В результате форсированного большевиками национального генезиса была оформлена белорусская

государственность, сам концепт белорусов как самостоятельного политического народа также был принят обществом. Однако смысловое наполнение концепта «белорусскости» остается расплывчатым и неясным. Белорусский этноязыковой национализм, основой которого является особая языковая идентичность, потерпел очевидное фиаско. Позднее развитие национально-генетических процессов, а также мощное воздействие со стороны более сильных национально-культурных проектов – польского и, в первую очередь, русского – препятствовали формированию устойчивой национальной идентичности.

В этих условиях вряд ли имеет смысл выстраивать белорусскую идентичность как гомогенно-однородную, основанную на некоем усредненном, общеобязательном для всех национальном каноне. Белорусы – это культурно открытое политическое сообщество, возникшее на стыке геокультурных пространств Руси, Литвы и Польши и являющееся важным связующим звеном между ними. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Неменский, О.Б. Панрусизм / О.Б. Неменский // Вопросы национализма. – 2011. – № 7. – С. 34–44.
2. Пыпин, А.Н. История русской этнографии / А.Н. Пыпин. – Минск: БелЭн, 2005. – 256 с.
3. Карский, Е.Ф. Белорусы: в 3 т. – Т. 3, кн. 2: Очерки словесности белорусского племени / Е.Ф. Карский. – Минск: БелЭн, 2007. – 704 с. .
4. Марзалюк, І. Гістарычная самаідэнтычнасць насельніцтва Беларусі ў XI–XVII стст. / І. Марзалюк // Гісторыя Беларусі [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.albaruthenia.by.ru/art/edentete.htm>. – Дата доступу: 16.06.2012.
5. Свитич, А.К. Православная церковь в Польше и ее автокефалия / А.К. Свитич // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/s/svitich2.html. – Дата доступа: 16.06.2012.
6. Карский, Е.Ф. Белорусы: в 3 т. – Т. 1: Введение в изучение языка и народной словесности / Е.Ф. Карский. – Минск: БелЭн, 2006. – 656 с.
7. Костомаров, Н.И. Две русские народности / Н.И. Костомаров // Основа. – 1861. – № 3. – С. 33–80.
8. Ефименко, А.Я. История Украины и ее народа / А.Я. Ефименко. – Санкт-Петербург, 1907.
9. Багдановіч, М. Хто мы такія? / М. Багдановіч // Вольная Беларусь. – 1918. – № 14. – 21 красавіка. – С. 106.
10. Шимов, В. Виленский край: этноконфессиональная проблема / В. Шимов // Беларуская думка. – 2011. – № 1. – С. 72–82.
11. Гронский, А. Национальный вопрос на страницах газеты «Наша Ніва» (1910 г.) / А. Гронский // Западная Русь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/73--l-ir-1910-.html>. – Дата доступа: 29.06.2012.